

Элино́р Порте́р

ПОЛИА́ННА
ВЗРОСЛЕЕТ

«Поллианна взрослеет (перевод Елены Яновской)» — продолжение всемирно известного романа «Поллианна» американской писательницы Элино́р Портер (англ. Eleanor Porter, 1868–1920).

Девочка Поллианна превратилась в очаровательную молодую леди и встретила любовь. Как справится юное сердце с первым романтическим чувством?

Элино́р Портер также является автором романов «Встречные течения», «История Марко», «Мисс Билли» и «Решение мисс Билли».

«Поллианна» Элино́р Портер имела ошеломляющий успех в Америке и за ее пределами: к 1920 году книга была переиздана рекордное количество раз.

Элино́р Порте́р Поллианна взрослеет

Глава 1. Делла высказывается

Взлетев по крутой лестнице на крыльцо дома ее сестры на Комонвелт-авеню, Делла Уэтерби энергично ткнула пальцем в кнопку электрического звонка. Вся она, от украшенной плюмажем шляпки до туфель-лодочек, излучала здоровье, бодрость и задор. Даже голос ее был напоен радостью жизни, когда она обратилась к отворившей дверь служанке.

— Доброе утро, Мэри! Моя сестра дома?

— Д-да, мэм, миссис Керю дома, — неуверенно промямлила девушка, — но она сказала, что ее ни для кого нет...

— Вот как? Но ведь я не кто-то, — улыбнулась мисс Уэтерби, — значит, для меня она есть.

— Не бойся, всю ответственность я беру на себя, — добавила она в ответ на испуганный взгляд прислуги. — Где она сейчас? В гостиной?

— Д-да, мэм; но... она действительно не велела мне...

Напрасно: мисс Уэтерби уже поднималась по широкой лестнице, и горничная, отчаянно оглянувшись на гостью, закрыла за ней дверь.

Решительно пройдя коридор на втором этаже, Делла Уэтерби подошла к полуоткрытой двери и постучала.

— Мэри, что там еще такое? — ответил раздраженный голос. — Разве я не говорила, чтобы... Ах! Делла?

Любовь и приятное удивление сразу наполнили голос теплом.

— Это ты, милая? Какими судьбами?

— Да, это я, твоя Делла, — широко улыбнулась молодая женщина. — Я возвращаюсь из однодневного отпуска на побережье с двумя другими медсестрами. И вот, на обратном пути в санаторий, решила заглянуть к тебе. Я ненадолго, я вот ради чего...

И она нежно поцеловала обладательницу переменчивого голоса.

Миссис Керю нахмурилась и, невольно, даже чуть отпрянула от сестры. Воодушевление, которое она ощутила, тут же уступило место привычной раздраженной угнетенности.

— Ну, конечно! Я могла бы сразу догадаться! — воскликнула она. — Ты никогда здесь не задерживаешься.

— «Здесь»! — весело рассмеялась Делла Уэтерби, взмахнув руками.

Затем ее голос и весь ее вид неожиданно изменились. Она пристально и нежно посмотрела на сестру.

— Рут, дорогая, я просто не смогла бы поселиться в этом доме, ты сама знаешь. Я просто не смогла бы здесь жить, — мягко добавила она в заключение.

Миссис Керю раздраженно пожала плечами.

— Право, не пойму, с чего бы это, — возразила она сестре.

Дела Уэтерби покачала головой.

— Ты и сама знаешь, дорогая. Я категорически не приемлю всего этого: мрачности, неопределенности, горечи и нытья.

— Но если мне действительно горько, и я страдаю!

— А тебе не следует.

— Почему же нет? Что дает мне повод измениться?

Делла Уэтерби ответила нетерпеливым жестом.

— Рут, послушай, — принялась она убеждать сестру, — тебе тридцать три года. У тебя отменное здоровье, по крайней мере, оно было бы таковым, если бы ты о нем заботилась. У тебя нет недостатка в свободном времени, к тому же денег у тебя более чем достаточно. Кто угодно скажет: в такое замечательное утро ты могла бы найти себе занятие получше, чем тосковать, запершись в этом доме, словно в склепе, и приказав горничной, чтобы та никого к тебе не допускала.

— А если я никого не хочу видеть!

— Сделай так, чтоб захотелось.

Миссис Керю тяжело вздохнула и отвернулась от собеседницы.

— Ах, Делла, как ты не можешь понять? Я не такая как ты. Я не могу... не могу забыть.

Мучительная гримаса исказила лицо молодой женщины.

— Ты имеешь в виду Джеми, я полагаю? Так я вовсе не забыла его, дорогая. Как я могла бы... Но хандра не поможет нам отыскать его.

— Как будто я не пыталась отыскать его! Целых восемь лет, — едва сдерживая слезы, возмутилась

миссис Керю. — И отнюдь не с помощью хандры.

— Я знаю, дорогая, — успокоила ее сестра, — и мы не оставим поисков, пока не найдем, или сами пропадем. Но и унывать нет смысла.

— Но у меня больше нет желания что-либо делать, — мрачно пробурчала Рут Керю.

На мгновение воцарилась тишина. Младшая сестра села, глядя на старшую взволнованно и неодобрительно.

— Рут, — наконец произнесла она с нотками отчаяния, — ты меня прости, но ты что же, всегда в таком состоянии будешь пребывать? Понимаю, ты овдовела. Но твоя жизнь в браке и продолжалась-то всего один год, а твой муж был намного старше тебя. Ты в то время была еще почти ребенком, и ваш единственный год совместной жизни должен казаться тебе смутным сном. Нельзя допустить, чтобы этот сон отравил тебе всю жизнь!

— Нет, о, нет, — пробормотала миссис Керю, все так же подавлено.

— Так что же, ты вечно будешь в таком состоянии?

— Что ж... конечно, если бы нашелся Джеми...

— Да, да, я знаю, Рут. Но, дорогая, неужели, кроме Джеми, ничто в мире тебя не радует?

— Не вижу ничего такого, на чем хотя бы задержать внимание, — равнодушно вздохнула миссис Керю.

— Рут! — воскликнула младшая сестра, на мгновение поддавшись гневу. Но тут же засмеялась. — Ох, Рут, Рут, я бы тебе назначила дозу Поллианны. Не знаю никого, кто нуждался бы в ней больше тебя!

Миссис Керю несколько напряглась.

— Я не знаю, что это за «поллианна», но в любом случае я ее не хочу, — резко заявила она, в свою очередь не сдержав гнева. — Ты не в своем любимом Санатории, а я не твоя пациентка. Поэтому ты мне процедуры не назначай и меня не вычитывай. Так и знай.

У Деллы Уэтерби в глазах заплясали огоньки, но лицо сохранило выражение серьезности.

— Дорогая, Поллианна — это не лекарство, — сдержанно объяснила она, — хотя некоторые утверждают, что она необыкновенно тонизирует. Поллианна — это девочка.

— Ребенок что ли? Откуда мне было знать, — недовольно проворчала сестра. — У вас же в медицине применяется «белладонна». Я и подумала, «поллианна» — тоже что-то в этом роде. Тем более ты всегда мне рекомендуешь какие-то новые лекарства. А поскольку ты сказала, «дозу»... Обычно так говорят именно о лекарствах.

— Что ж, Поллианна — тоже в своем роде лекарство, — улыбнулась Делла. — По крайней мере, врачи в Санатории говорят, что более действенного средства они придумать не способны. Это девочка лет двенадцати или тринадцати, и в прошлом году она пробыла в санатории все лето и часть зимы. Правда, мы с ней общались едва ли месяц или два, потому что она выписалась вскоре после того, как я туда прибыла. Но этого времени оказалось достаточно, чтобы я успела полностью поддаться ее чарам. Впрочем, в Санатории все еще обсуждают Поллианну и не прекращают ее игру.

— Игру?

— Да, — кивнула Делла, загадочно улыбаясь. — Ее «игру в радость». Я никогда не забуду, как впервые ознакомилась с правилами. Одна из назначенных девочке процедур была чрезвычайно неприятной и даже довольно болезненной. Процедура выполнялась по вторникам, с утра. И вскоре после моего прибытия, мне поручили эту процедуру выполнять. Я боялась идти, потому что знала по опыту, что меня ждет: дети капризничают, плачут, а иногда случается и что-то похуже. К моему большому удивлению, девочка встретила меня улыбкой и сказала, что рада видеть меня. Ты не поверишь, но за все время я не услышала от нее ничего громче, чем легкий стон, хотя я знала, как бедняжке больно.

— Должно быть, — продолжала Делла, — я как-то слишком явно выразила свое удивление, потому что девочка с готовностью начала объяснять мне, в чем дело. Она сказала: «Да, я сначала тоже переживала из-за процедуры и боялась ее. Но потом мне пришло в голову, что это совершенно как день стирки у Нэнси. Поэтому именно по вторникам я могу быть счастливой. Ведь до следующего вторника, в таком случае, остается целая неделя».

— Ничего себе рассужденьица! — нахмурилась миссис Керю. — Но я что-то не пойму, в чем заключается игра?

— Я тоже не сразу поняла. Но она мне потом объяснила. Девочка росла без матери. Отец, бедный пастор, воспитывал ее на пожертвования прихожан и Женского благотворительного общества. Девочка очень хотела куклу и очень надеялась найти ее в очередной партии пожертвований. А там оказалась лишь пара детских костылей. Девочка разрыдалась, и тогда отец научил ее игре. Эта игра заключается в том, чтобы находить радость во всем, что бы ни случилось. Он предложил ей сразу же начать и порадоваться тому, что костыли ей не нужны. С тех пор все и началось. Поллианна говорит, раз увлекшись игрой, она уже никогда ее не прекращала. Причем чем тяжелее бывало найти счастливую сторону в обстоятельствах, тем интереснее становилась игра, и тем больше бывала радость, когда удавалось ее найти.

— Ого, это что-то невероятное! — пробормотала миссис Керю, так до конца еще всего и не поняв.

— Ты бы еще не то сказала, если бы увидела последствия игры в Санатории, — согласно кивнула Делла. — А доктор Эймс говорит, он слышал, будто она таким образом перевоспитала весь городок, из которого приехала. Он хорошо знаком с доктором Чилтоном, который женился на тетке Поллианны. Кстати, их брак тоже состоялся с легкой руки Поллианны: она помирила двух влюбленных, уладив их давнюю ссору.

— Года два тому или чуть раньше, — продолжала рассказывать Делла, — отец Поллианны умер, и ее отправили на восток страны, к тетке. В октябре девочка попала под машину. Врачи сказали, она никогда не сможет ходить. В апреле же доктор Чилтон направил ее в Санаторий, и она лечилась там до прошлого марта, почти год. Домой возвращалась она уже практически здоровой. Видела бы ты этого ребенка! Только одно облачко омрачало ее счастье: она, видишь ли, не могла проделать весь путь домой пешком. Насколько мне известно, весь город встречал свою любимицу с духовыми оркестрами и приветственными транспарантами.

— Впрочем, — сказала Делла в завершение, — о Поллианне нет смысла рассказывать. Ее нужно увидеть! Потому-то я и сказала, что тебе не помешала бы доза Поллианны. Тебе пошло бы очень на пользу.

Миссис Керю гордо задрала подбородок.

— Не хотела бы я уподобляться тебе, — холодно заметила она. — Я не нуждаюсь в перевоспитании, и я ни в кого такого не влюблена, с кем мне нужно было бы помириться. И если что-то и кажется мне невыносимым, так это пуританская проповедница, которая бы меня наставляла, что мне следует за все благодарить судьбу. Я бы никогда не вынесла...

Ее слова прервал звонкий смех сестры.

— Ах, Рут, Рут! — проговорила Делла сквозь смех. — Поллианна отнюдь не проповедница! Если бы ты только раз увидела этого ребенка! Впрочем, мне следовало предвидеть. Я же говорила, что о Поллианне бессмысленно рассказывать. И, конечно же, ты не склонна знакомиться с ней. Но сказать, что она «пуританская проповедница»!..

Молодую женщину охватил очередной приступ смеха. Но в следующее мгновение она посерьезнела и пристально посмотрела на сестру встревоженными глазами.

— А, по правде говоря, дорогая, неужели ничего нельзя сделать? Зачем же тратить понапрасну свою жизнь? Почему бы тебе не выйти наконец из дома, не пообщаться с людьми?

— Зачем, если у меня нет ни малейшего желания? Я устала от людей. Знаешь, я всегда скучала в обществе.

— Ну, а если тебе взяться за какую-нибудь работу? Благотворительность...

Миссис Керю раздраженно махнула рукой.

— Делла, милая, мы все это уже проходили. Я отдала достаточно денег на благотворительность. На самом деле, может, даже излишне много. Я не очень-то верю в обнищание населения.

— Дорогая, если бы ты посвятила себя какому-нибудь делу, — попыталась осторожно настаивать на своем Делла, — если бы заинтересовалась чем-то, это помогло бы тебе изменить свою жизнь, и тогда...

— Делла, милая, прекращай, — прервала ее упрямая старшая сестра. — Я люблю тебя, и я рада, что ты навестила меня, но я терпеть не могу поучений. Тебе пошла на пользу роль ангела-хранителя: ты подаешь людям стакан воды, перебинтовываешь им разбитые головы. Возможно, тебе это помогает забыть Джеми, но мне бы не помогло. Я только еще острее вспоминала бы о нем, думала бы, есть ли кому позаботиться о нем, подать ему стакан воды, перебинтовать голову... К тому же, само общение с больными людьми было бы мне неприятно.

— А ты уже пробовала?

— Еще чего! Конечно, нет! — в голосе миссис Керю прозвучали нотки презрительного возмущения.

— Так откуда же такая уверенность, если ты даже не попыталась? — спросила молодая сестра милосердия, вставая, несколько утомленная спором. — Мне пора, дорогая. Нужно еще встретиться с девушками на Южном вокзале. Наш поезд отправляется в половине первого.

— Прости, если я, сама того не желая, заставила тебя сердиться, — добавила она, целуя сестру на прощание.

— Делла, я не сержусь на тебя, — вздохнула миссис Керю. — Вот если бы только ты смогла понять меня...

Спустя мгновение, миновав молчаливые мрачные коридоры, Делла Уэтерби вышла на улицу. Выражение ее лица, жесты, походка были совсем не такими, как всего лишь час назад, когда она поднималась на крыльцо дома своей старшей сестры. Куда подевались бодрость, живость, радость жизни! Молодая женщина плелась, вяло переставляя ноги. Вдруг она резко подняла голову и глубоко вздохнула.

«Я в этом доме не выдержала бы и недели, — подумала она, вздрогнув. — Не думаю, ах, не думаю, что даже Поллианна была бы способна соперничать с мрачной его атмосферой. Единственную радость она бы нашла разве в том, что ей не приходится там жить».

Дальнейшие события, однако, показали, насколько притворным было неверие Деллы Уэтерби в

способность Поллианна изменить положение вещей в доме миссис Керю. Только лишь молодая медсестра вернулась в Санаторий, она узнала нечто такое, что заставило ее уже на следующий день помчаться за восемьдесят километров, назад, в Бостон.

Как Делла и предполагала, она нашла миссис Керю в точно таком же состоянии. Было такое ощущение, что они вообще не расставались.

— Рут, я просто не могла не вернуться! — радостно провозгласила она, торопливо ответив на удивленное приветствие сестры. — И на этот раз ты должна уступить и сделать по-моему. Слушай! Я думаю, если только ты пожелаешь, та девочка, Поллианна, может поселиться у тебя.

— Я не же-ла-ю, — холодно отчеканила миссис Керю.

Но Делла Уэтерби словно бы и не слышала ее. Она возбужденно объясняла суть дела.

— Вчера, едва вернувшись в Санаторий, я узнала, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона, того, что женился на тетке Поллианны, я тебе говорила. Так вот, он пишет, что на зиму уезжает в Германию на какие-то медицинские курсы. А жену он хочет взять с собой, если сумеет убедить ее, что Поллианне будет хорошо в частной школе-интернате. Но миссис Чилтон не склонна оставлять девочку одну. Поэтому он боится, что и жена с ним не поедет. Это же наш счастливый случай, Рут! Я хочу, чтобы ты на эту зиму пригласила Поллианну к себе. Она будет ходить в местную школу.

— Делла, какая нелепая идея! Зачем мне хлопоты с ребенком!

— У тебя не будет с ней хлопот. Девочке уже тринадцать или около того, и ты даже не представляешь, какая она способная.

— Я не люблю способных детей, — неприязненно заметила миссис Керю и засмеялась.

Именно ее смех придал отваги младшей сестре, и та взялась убеждать старшую с удвоенным пылом.

То ли сыграл свою роль фактор неожиданности и новизна подхода, то ли история Поллианны действительно тронула сердце Рут Керю. А может, она просто поленилась опровергать аргументы сестры, посыпавшиеся на нее градом. Но, что из этого ни повлияло на первоначальное мнение Рут Керю, через час, когда Делла Уэтерби торопливо покидала дом старшей сестры, та уже успела пообещать, что примет у себя Поллианну.

— Но учти, — предостерегла миссис Керю сестру на прощание, — только эта малышка начнет поучать меня и проповедовать милосердие, она тотчас же вылетит отсюда, и тогда можешь делать с ней, что тебе самой заблагорассудится. А я ее терпеть не стану!

— Я приму к сведению, но я спокойна, — сказала Делла, кивая на прощание.

Уже выйдя из дома, она прошептала сама себе: «Половина дела сделана. Осталась другая половина — убедить Поллианну, чтобы она сюда переехала. Уж я напишу такое письмо, что ее никто не сможет от этого отговорить!»

Глава 2. Старинные друзья

В тот апрельский вечер в Белдингсвиле миссис Чилтон дождалась, пока Поллианна уляжется спать, и уж тогда начала с мужем разговор по поводу письма, которое она нашла в утренней почте. Впрочем, она в любом случае была бы вынуждена подождать с семейным советом, учитывая ненормированный рабочий день мужа и достаточно долгий путь, который доктор ежедневно проделывал на работу и обратно.

Было уже около половины десятого, когда он вошел в комнату жены. Его усталое лицо осветилось радостью при виде любимой женщины, но тотчас же в его глазах появилось выражение беспокойства.

— Полли, любимая, в чем дело? — озабоченно спросил муж.

Жена грустно улыбнулась в ответ.

— Дело в письме. Однако я не предполагала, что ты заметишь мое беспокойство по одному лишь моему виду.

— Ну, так зачем же было принимать такой вид? — улыбнулся он в ответ. — Так что в письме?

Какое-то мгновение миссис Чилтон колебалась, поджав губы. Затем взяла лежавшее рядом с ней письмо.

— Я тебе его прочитаю, — сказала она. — Письмо от Деллы Уэтерби из санатория доктора Эймса.

— Хорошо, начинай! — велел муж, растянувшись на диване, что стоял рядом с креслом жены.

Но, прежде чем начать, она поднялась и укрыла мужа шалью из серой домотканой шерсти. Прошло около года со дня свадьбы миссис Чилтон. Ей самой исполнилось сорок два. И, кажется, в этот короткий год брачной жизни, она пыталась отдать мужу весь тот нерастроченный запас женской заботы и нежности, который копился в ней в течение двадцати лет одиночества и недостатка любви. Со своей стороны, доктор, который женился в сорок пять лет и у которого за плечами тоже были только одиночество и недостаток любви, отнюдь не возражал против этой «концентрированной» нежности. Другое дело — принимая эту заботу и нежность вполне охотно, он пытался не выказывать чрезмерного восторга. Доктор замечал, что

миссис Полли, столь долгое время бывшая мисс Полли, еще не вполне привыкла к своему положению замужней женщины, поэтому, если проявления ее чувств принимались со слишком очевидной благодарностью, она впадала в панику и пыталась сдерживать свое «неуместную» заботливость и «бессмысленную» нежность. Итак, муж ограничился тем, что слегка похлопал ее ладонь, когда разглаживала на нем шерстяную шаль.

Женщина устроилась рядом и начала вслух читать письмо.

«Моя дорогая миссис Чилтон, — писала Делла Уэтерби, — шесть раз я начинала писать Вам письмо и шесть раз разрывала его. Поэтому я решила не «начинать» больше, а сразу изложить Вам, что мне от Вас требуется.

Мне нужна Поллианна. Возможно ли это?

Мы познакомились с Вами и Вашим мужем в марте, когда Вы приехали за Поллианной, чтобы забрать ее домой, но я думаю, что Вы меня вряд ли помните. Я попрошу доктора Эймса (который меня знает очень хорошо) написать Вашему мужу, чтобы Вы смогли без опасений доверить нам (я надеюсь на это) свою знаменитую племянницу.

Насколько я понимаю, Вы уехали бы с мужем в Германию, если бы у вас были те, на кого вы решились бы оставить Поллианну. Поэтому я осмелилась предложить Вам оставить ее у нас. Более того, дорогая миссис Чилтон, я прошу Вас об этом. И, с Вашего позволения, объясню, почему.

Моя сестра, миссис Керю, несчастная женщина. Жизненные обстоятельства совершенно сломили ее. Она создала вокруг себя безрадостную гнетущую среду, в которую не проникает даже лучик солнца. Я думаю, Ваша племянница Поллианна единственная во всем мире способна привнести в ее жизнь хоть лучик солнца. Не позволите ли Вы ей сделать такую попытку? Если бы я только могла описать Вам, *что* Поллианна сумела сотворить у нас в Санатории! Но выразить это словами невозможно. Это можно только увидеть. Я давно уже поняла, что о Поллианне нет смысла рассказывать, потому что в рассказах она предстает склонной к поучениям самодовольной проповедницей. А мы с Вами знаем, насколько она далека от этого. С Поллианной надо познакомиться, и она сама себя покажет. Вот оттого я так хочу познакомить ее со своей сестрой. Разумеется, Поллианна будет посещать школу, но в это же время она смогла бы исцелить израненное сердце моей сестры.

Не знаю, как закончить это письмо. Это кажется даже более сложным, чем начать его. На самом деле я бы его не заканчивала вообще. Мне хочется писать дальше и дальше из опасений, что, прервавшись, я даю Вам шанс отказать мне. Итак, если Вы действительно склонны сказать «нет», прошу Вас, считайте, что я снова и снова убеждаю Вас в том, как мне нужна Ваша Поллианна.

***Исполненная надежды,
Ваша Делла Уэтерби».***

— Вот так вот! — воскликнула миссис Чилтон, откладывая письмо. — Случалось тебе читать подобный бред или слышать более нелепую, абсурдную просьбу?

— Я не уверен, — улыбнулся доктор. — В конце концов, желание приблизить к себе Поллианну не представляется мне таким уж нелепым.

— Но она это представляет таким образом... «Чтобы она исцелила израненное сердце сестры»... Можно подумать, речь идет не о ребенке, а о каких-то лекарствах!

Доктор от души расхохотался.

— В определенном смысле, Полли, так и есть. Я сам неоднократно жаловался, что не могу назначать ее, как назначают медикаменты или процедуры. А Чарли Эймс говорит, с тех пор, как Поллианна прибыла в санаторий и до момента, когда ее выписали, они всегда заботились, чтобы каждый пациент получил свою дозу Поллианны.

— «Дозу»? — фыркнула миссис Чилтон. — Скажешь еще тоже!

— Так ты ее не отпустишь?

— Конечно же, нет! Неужели ты думаешь, я способна отпустить ребенка с совершенно чужим человеком? Еще и с такой неуравновешенной особой... Знаешь, Томас, я думаю, если бы я согласилась на это, по приезде из Германии я получила бы племянницу разлитой в бутылки с этикеткой: как принимать, в каких дозах и от каких болезней.

Доктор снова захохотал, откинув голову назад. Но через мгновение выражение его лица изменилось, и он вытащил из кармана другое письмо.

— Я сегодня утром тоже получил письмо, от доктора Эймса, — объяснил он со странной ноткой в голосе, заставившей его жену нахмуриться. — Позволь я тоже прочитаю тебе это письмо.

«Дорогой друг Том! — начал он. — Мисс Делла Уэтерби попросила меня «дать характеристику» ей и ее сестре, что я очень охотно делаю. Этих девушек я знаю практически с момента их рождения. Они происходят из добропорядочной благородной семьи и получили

безупречное благородное воспитание. С этой точки зрения, тебе нечего бояться.

Сестер было трое: Дорис, Рут и Делла. Дорис обручилась с мужчиной по имени Джон Кент, хотя семья этот брак не одобряла. Кент происходил из уважаемой семьи, но сам был личностью сомнительной и, бесспорно, очень эксцентричной. Иметь с ним дело было не слишком приятно. В свою очередь, он был недоволен отношением к нему родственников жены, поэтому молодые супруги почти не общались с родней, пока не родился их первенец. Все Уэтерби боготворили малыша Джеймса, или Джеми, как они его называли. Дорис, молодая мать, умерла, едва мальчику исполнилось четыре года. Уэтерби прилагали все усилия, чтобы убедить отца отдать им ребенка. Но Кент вдруг исчез, забрав сына с собой. С тех пор он как в воду канул, несмотря на все поиски.

Эта потеря, можно сказать, добила стариков — мистера и миссис Уэтерби. Оба вскоре после этого умерли. Рут в то время уже побывала замужем и овдовела. Ее муж, мистер Керю, был очень богат и намного старше жены. Он прожил с молодой женщиной что-то около года и отошел, оставив ее с маленьким сынишкой, который через год тоже умер.

С тех пор как исчез малыш Джеми, Рут и Делла, похоже, посвятили себя единственной цели — найти его. Они тратили деньги безоглядно, они перевернули вверх дном весь мир, но все напрасно. Со временем Делла занялась медициной и стала медсестрой. Она блестяще работает и стала энергичной, жизнерадостной здоровой женщиной, какой ей и надлежит быть. Однако своего пропавшего племянника она не забывает ни на минуту и не пренебрегает ни одной ниточкой, которая могла бы к нему привести.

Иначе сложилась судьба миссис Керю. Потеряв своего ребенка, она отдала племяннику всю свою нереализованную материнскую любовь. Можете представить себе ее отчаяние, когда тот пропал. Произошло это восемь лет назад, и для нее эти годы стали восемью годами страданий, тоски и горечи. Она может позволить себе все, что можно купить за деньги, но ничего в мире ее не радует, ничего не интересует. Делла чувствует, что сестре настало время вырваться из плена одиночества. И также Делла верит, что светлая как солнышко племянница твоей жены, Поллианна, обладает тем ключиком, который открыл бы дверь в новую жизнь для миссис Керю. Если это действительно так, я надеюсь, вы сможете удовлетворить просьбу Деллы. Осмелюсь добавить, что я лично тоже был бы признателен вам за это, поскольку Рут Керю и ее сестра очень давние и близкие друзья моей жены и мои, и все, что касается их, также касается и нас.

***Неизменно твой друг,
Чарли».***

Когда доктор дочитал письмо, молчание продлилось так долго, что он, наконец, спросил:

— Полли, что скажешь?

Все та же тишина. Присмотревшись к лицу жены, доктор заметил, что ее, как правило, неподвижные губы и подбородок дрожат. Поэтому он терпеливо ждал, пока жена заговорит.

— Как думаешь, когда они ждут ее приезда? — спросила она, наконец.

Неожиданно для себя доктор Чилтон ответил вопросом на вопрос.

— Значит, ты отпустишь ее? — воскликнул он.

Жена взглянула на него возмущенно.

— Томас, как ты можешь такое спрашивать! Ты полагаешь, будто после такого письма я посмела бы не пустить ее? После того, как доктор Эймс попросил об этом лично? После всего, что этот человек сделал для Поллианны, неужели я решилась бы отказать ему в чем-либо... о чем бы он ни попросил?

— Моя ты милая! Надеюсь только, доктору Эймсу не придет в голову попросить твоей любви, счастье мое, — язвительно заметил муж.

Но жена не пожелала оценить этот юмор и ответила строго:

— Напиши, пожалуйста, доктору Эймсу, что мы отправляем Поллианну: пусть он передаст мисс Уэтерби, чтобы та подробнее изложила нам свои пожелания. Надо решить все вопросы до десятого числа следующего месяца. То есть до времени твоего отъезда. Понятно, что я, прежде чем поеду с тобой, хочу лично убедиться, насколько хорошо ребенок устроен.

— А Поллианне когда скажешь? Завтра, наверное?.. И что именно ты ей скажешь?

— Я еще не решила. Но в любом случае только самое необходимое. Ни при каких обстоятельствах мы не имеем права испортить Поллианну. А ребенок не может не испортиться, если вобьет себе в голову, будто она какая-то... так сказать...

— ...«бутылочка с наклейкой: в каких дозах принимать, от каких болезней»? — улыбаясь, закончил доктор за нее предложение.

— Да, — вздохнула миссис Чилтон, — все держится на ее непосредственности. Ты сам знаешь, дорогой.

— Да, знаю, — утвердительно кивнул мужчина.

— Конечно, она знает, что и ты, и я, и полгорода — все играют в ее игру, и что мы счастливы в жизни именно потому, что играем в нее.

Голос миссис Чилтон задрожал, она сделала паузу. Затем продолжила:

— Но если бы, вместо того чтобы просто оставаться собой, она сознательно определила бы свою миссию, она уже не была бы той радостной наивной девчушкой, которую отец научил играть в радость. Она превратилась бы в самодовольную проповедницу, как писала та медсестра. Это было бы неизбежным.

— Итак, что бы я ей ни сказала, она не услышит, что призвана ободрить миссис Керю, — с решительным видом вставая и откладывая свое рукоделие, подытожила миссис Чилтон.

— Я всегда знал, какая ты мудрая, — одобрил ее слова муж.

Поллианне сообщили на следующий день. Вот, как это было:

— Милая моя, — начала тетя, оставшись в то утро наедине с племянницей, — хотела бы ты эту зиму провести в Бостоне?

— С тобой?

— Нет. Я решила ехать с твоим дядей в Германию. Но миссис Керю, хорошая знакомая доктора Эймса, пригласила тебя к себе на всю зиму. И я склонна отпустить тебя к ней.

Поллианна расстроилась.

— Но тетечка Полли, в Бостоне не будет ни Джимми, ни мистера Пендлтона, ни миссис Сноу — никого из моих знакомых.

— Не будет, милая. Но они тоже не были твоими знакомыми, пока ты не приехала сюда и не познакомилась с ними.

Лицо Поллианны озарила улыбка.

— А что, тетя Полли, это правда! Наверняка, в Бостоне есть свои Джимми, и мистер Пендлтон, и миссис Сноу, которые только и ждут, чтобы я с ними познакомилась. Правильно я говорю?

— Правильно, дорогая.

— Тогда мне есть чему порадоваться. Я думаю, тетя Полли, ты теперь умеешь играть лучше меня. Вот мне и в голову бы не пришло, что там люди ждут знакомства со мной. Да еще сколько их! Я некоторых видела два года назад, когда мы были там с миссис Грей. Мы там стояли целых два часа по дороге с Запада. Там, на вокзале, один человек, очень славный, подсказал мне, где можно выпить воды. Думаешь, он там еще бывает? Я бы охотно с ним подружилась. А еще была очень славная леди с маленькой девочкой. Они живут в Бостоне. Они сами так сказали. Девочку зовут Сьюзи Смит. Возможно, я могла бы с ними познакомиться. Как думаешь, я могла бы? И был там еще мальчик, и еще одна дама с малышом. Но те живут в Гонолулу, поэтому их я вряд ли там встречу. Ну и, наконец, там живет миссис Керю. Тетя Полли, а кто такая миссис Керю? Она наша родственница?

— Вот беда-то, Поллианна! — воскликнула миссис Чилтон полушутя-полуотчаянно. — Ты надеешься, что кто-то способен угнаться за твоими рассуждениями, когда ты каждые две секунды мысленно перескакиваешь из Бостона в Гонолулу и обратно! Нет, миссис Керю нам не родственница. Она сестра мисс Уэтерби из Санатория. Ты помнишь мисс Деллу Уэтерби из Санатория?

Поллианна всплеснула руками.

— Она ее сестра? Сестра мисс Уэтерби? Ох, тогда она замечательная. Потому что мисс Уэтерби была замечательная. Мне ужасно нравилась мисс Уэтерби. У нее были морщинки-смешинки в уголках рта и глаз, а еще она рассказывала прекрасные истории. Я была с ней всего лишь два месяца, потому что она прибыла в санаторий незадолго до того, как я выписалась. Мне сначала было обидно, что она не была там все это время. Но со временем я была даже довольна, потому что, если бы она была с нами все это время, было бы гораздо труднее с ней расставаться, чем когда мы с ней были знакомы такое короткое время. А теперь я буду как будто бы снова с ней, потому что я буду с ее сестрой.

Миссис Чилтон вздохнула и закусила губу.

— Поллианна, деточка, ты не можешь быть уверена, что они настолько уж похожи друг на дружку.

— Тетечка Полли, они же сестры, — возразила девочка, широко открывая глаза, — а сестры, я думаю, должны быть очень похожи между собой. У нас в Женском благотворительном обществе было две пары сестер. Две сестры были близнецами. Так те были так похожи друг на друга, что ты бы ни за что не определила, которая из них миссис Пек, а которая миссис Джонс. Ну, пока у миссис Джонс не выскочила бородавка на носу. Тогда уж мы легко их стали различать, потому что сразу смотрели на бородавку. Я так и сказала миссис Джонс, когда она как-то стала жаловаться, что, мол, люди ее часто называют миссис Пек. А я ей говорю: они бы не ошибались, если бы обращали внимание на бородавку, как вот я делаю. А она отчего-то ужасно рассер... расстроилась. Хоть я, право, не знаю, чем она была так недовольна. Я думаю, ей бы радоваться, что нашелся способ так легко их различать. Тем более что она была председателем Комитета и любила, чтобы ей отдавали должное почтение, представляя гостям или на торжественных ужинах. Но она почему-то спасительной бородавке не радовалась. Я даже слышала впоследствии от миссис Уайт, что миссис Джонс делала все возможное, чтобы только избавиться от бородавки, и готова была ради этого даже ежа за пазухой носить. Впрочем, я себе не представляю, каким образом подобное может помочь. Тетя Полли, а еж за

пазухой действительно помогает от бородавок на носу?

— Дочка! Конечно же, нет. Поллианна, ты как заведешь речь о своем Женском благотворительном обществе, тебя прямо невозможно остановить!

— Тетя Полли, правда? — виновато спросила девочка. — Так тебя это раздражает? Честное слово, тетечка, я не хотела тебе досаждать. А если даже тебе надоедают мои воспоминания о Женском благотворительном обществе, ты можешь этому радоваться. Ведь когда я вспоминаю о Женском благотворительном обществе, ты можешь быть уверена, что я счастлива оттого, что меня больше с ними ничего не связывает, и у меня есть своя собственная родная тетя. Тетечка Полли, правда, тебе это приятно?

— Да, да, дорогая, конечно, приятно, — улыбнулась миссис Чилтон, вставая и выходя из комнаты.

Ей вдруг сделалось неловко из-за тех остатков своего давнего раздражения по поводу безграничной радости Поллианны по любому поводу.

На протяжении нескольких последующих дней, пока велась переписка по поводу зимнего пребывания Поллианны в Бостоне, сама девочка, готовясь к отъезду, наносила прощальные визиты своим друзьям в Белдингсвиле.

В Вермонтском городке Поллианну знали сейчас практически все. И практически все играли в ее игру. Те немногие, кто от этого еще воздерживался, возможно, еще не до конца понимали, в чем заключается игра в радость. Теперь же Поллианна ходила из дома в дом с известием о том, что зиму она проведет в Бостоне. И все отчетливее повсюду в городке по этому поводу выказывалось разочарование — везде: от кухни в доме тетушки Полли до большого дома на Пендлтонском холме, где обитал мистер Джон Пендлтон.

Нэнси решительно высказала всем, кроме своей хозяйки, что лично она считает поездку в Бостон полнейшей бессмыслицей. Со своей стороны, она бы скорее пригласила мисс Поллианну к своим, на Кулички. И пусть бы тогда миссис Полли ехала в эту свою Гармонию или куда там ей еще захочется.

Мистер Джон Пендлтон с Пендлтонского холма сказал, по сути, то же самое. Но он не побоялся выразить свое мнение миссис Чилтон прямо в глаза. Что касается Джимми, двенадцатилетнего мальчика, которого Джон Пендлтон приютил в своем доме, потому что так хотела Поллианна, и которого он теперь усыновил, потому что так захотелось ему самому... так вот, Джимми был просто возмущен и не замедлил свое возмущение выразить.

— Ты только-только вернулась, — упрекал он Поллианну таким тоном, к которому прибегают мальчишки, пытаясь скрыть свою все еще детскую чувствительность.

— Вот тебе раз! Да я здесь еще с конца марта. И, наконец, я уезжаю-то не навсегда, а только на эту зиму.

— Что с того? Тебя не было почти целый год. И если бы я знал, что ты сразу уедешь, я бы сроду не помогал устраивать тебе встречу с транспарантами, и оркестрами, и всем остальными, когда ты возвратилась из своей Санатории.

— Джимми Бин, очнись! — воскликнула Поллианна, ошеломленная этой тирадой, и продолжила с некоторым превосходством, происходящим из оскорбленного чувства собственного достоинства. — Во-первых, я не просила встречать меня «с оркестрами и всем остальным», а во-вторых, ты допустил две ошибки в одном-единственном предложении. Санаторий, это слово мужского рода. А «возвратилась», так тоже не говорят. По крайней мере, звучит как-то неуклюже, мне кажется.

— Кому какое дело до моих ошибок?

Поллианна взглянула на паренька с осуждением.

— Тебе самому, кажется, не было безразлично. Летом ты просил меня исправлять тебя каждый раз, когда ты говоришь неправильно, ведь мистер Пендлтон хотел, чтобы ты научился говорить грамотно.

— Если бы ты, Поллианна Витгер, выросла в приюте, где у тебя ни одной родной души и где никто тебя знать не хочет, а не среди старушек, которым больше делать нечего, как тебя воспитывать да обучать грамотной речи, ты бы тоже не знала какое слово какого рода, а может, и похуже ошибки допускала бы.

— Ладно тебе, Джимми Бин! — вспыхнула Поллианна. — Наши дамы из Женского благотворительного общества вовсе не были старушками!..

— То есть далеко не все и не такими уж... — поспешила уточнить девочка (ее склонность к буквализму все же возобладала над гневом), — не такими уж старыми, а...

— Если так, то и я вовсе не такой уж и Джимми Бин, — гордо задрав нос, перебил ее мальчишка.

— Ты не... В каком смысле? — удивилась девочка.

— Мистер Пендлтон официально усыновил меня. Он говорит, что давно хотел это сделать, но жалел времени на волокиту. Но теперь уж не пожалел. Поэтому меня правильно называть Джимми Пендлтон. А я его не должен называть дядя Джон, но я еще было не... то есть, я еще не привык. Поэтому я еще не всегда его правильно называю.

Несмотря на то, что мальчик говорил сердито и обиженно, лицо Поллианны засветилось радостью. В восторге, она захлопала в ладоши.

— Как это замечательно! Значит, теперь есть у тебя родная душа, которая хочет тебя знать. И не надо никому объяснять, родные вы или не родные, потому что у вас одна фамилия. Я так рада! Я просто счастлива, счастлива!

Парень вдруг прыгнул с каменной стены, на которой они сидели вдвоем, и пошел прочь. Щеки его пылали, а в глазах стояли слезы. Именно Поллианне он обязан был свалившимся на него счастьем, и он это вполне осознавал. А он Поллианне только что такого наговорил...

Джимми отфутболил подвернувшийся под ногу камешек, затем другой, и еще один. Он боялся, что горячие слезы брызнут у него из глаз и побегут по щекам. Парень снова отфутболил камень, и еще один, а потом подобрал с земли третий и что было силы швырнул его прочь. Спустя минуту он вернулся к Поллианне, все еще сидящей на каменной ограде.

— А спорим, я первым добежу до вон той сосны! — с притворным задором предложил он.

— А спорим, что нет! — воскликнула Поллианна, прыгивая со стены.

Правда, состязания так и не состоялись: Поллианна вовремя вспомнила, что быстрый бег на данный момент все еще оставался для нее одним из запрещенных развлечений. Но для Джимми это было не так уж принципиально. Главное — щеки его уже не пылали, а слезы отступили от глаз. Джимми снова был самим собой.

Глава 3. Доза Поллианны

По мере приближения восьмого сентября — дня, на который был запланирован приезд Поллианны — миссис Рут Керю впадала во все более глубокое нервное раздражение. Она упрекала себя за опрометчиво данное обещание взять к себе девочку. В этом обещании она раскаивалась с первой же минуты. Собственно, не прошло еще и суток со дня того разговора, как она написала сестре, требуя расторгнуть договоренность. Но Делла ответила, что отступать поздно, поскольку и она сама, и доктор Эймс уже отправили свои письма Чилтонам.

Вскоре пришло еще одно письмо от Деллы, в котором сестра сообщала, что миссис Чилтон дает свое согласие и через несколько дней приедет в Бостон лично, чтобы уладить вопрос со школой и т. п. Поэтому оставалось только позволить событиям развиваться своим путем. Осознав это, миссис Керю покорила неизбежности, хотя и очень неохотно. Конечно, когда к ней в назначенное время нагрянули Делла и миссис Чилтон, миссис Керю не нарушила общепринятых правил элементарного гостеприимства, однако была очень довольна тем, что неотложные дела и нехватка времени заставили миссис Чилтон ограничиться лишь очень коротким сроком пребывания.

То, что прибытие Поллианны предполагалось не позднее 8 сентября, было, пожалуй, к лучшему, поскольку миссис Керю все равно, вместо того, чтобы примириться с мыслью о появлении нового человека в доме, только все больше раздражалась по поводу того, что она называла «минутной слабостью», из-за которой она «согласилась на бессмысленную выдумку Деллы».

Делла, надо сказать, вполне осознавала, в каком душевном состоянии пребывает ее сестра. И если внешне Делла держалась бодро, то в глубине души опасалась вполне возможных последствий. Но она верила в Поллианну и, положившись на девочку, решила позволить той сразу начать свою работу самостоятельно, без постороннего вмешательства. Для этого она умудрилась устроить так, чтобы миссис Керю сама встретила девочку на вокзале, а сама она исчезла сразу после первых приветствий, представив друг дружке гостью и сестру и сославшись на предварительную договоренность. Таким образом, миссис Керю не успела опомниться, как осталась с ребенком с глазу на глаз.

— Делла, постой!.. Но, Делла... ты ведь не можешь... Я же не... — отчаянно выкрикивала она вслед сестре, пытаясь ее задержать.

Но та была уже далеко и если даже и слышала, то не этого не показала. В отчаянии и раздражении, миссис Керю повернулась к стоявшей рядом гостье.

— Какая жалость! Она вас не услышала, — сказала Поллианна, провожая медсестру взглядом, полным надежды. — А я так хотела, чтобы она еще немножко побыла со мной... Впрочем, теперь у меня есть вы. И я этому очень рада.

— Да, у тебя есть я, а у меня есть ты, — мрачновато подтвердила миссис Керю.

— Пойдем, нам в эту сторону, — добавила она, показывая направо.

Поллианна послушно повернулась в указанную сторону и зашагала рядом с миссис Керю через огромный вокзал. Раз или два она обеспокоенно взглянула в насупленное лицо женщины. И, наконец, решилась высказать свои опасения.

— Наверное, вы ожидали, что я буду хорошенькой... — взволнованно предположила она.

— Хорошенькой? — удивленно переспросила миссис Керю.

— Да, курчавой, знаете, и так далее. Разумеется, вам интересно было, какая я с виду. Так же, как мне

было интересно узнать о вас. Но я сразу знала, что вы милая и славная, как ваша сестра. Я могла это представить, глядя на нее, а вам, конечно, не на кого было посмотреть. А я на самом деле не хорошенькая, потому что веснушчатая. Наверное, это не очень приятно, когда ждешь хорошенькую девочку, а приезжает такая, как я. Зато...

— Что ты выдумываешь, детка! — резковато перебила ее миссис Керю. — Пойдем за твоим чемоданом, а потом поедem домой. Я надеялась, сестра побудет с нами, но, похоже, она не способна посвятить мне даже один вечер.

Поллианна улыбнулась и кивнула.

— Я вас понимаю. Но, видимо, ее кто-то ждал, я так думаю. В Санатории она ежесекундно была кому-то нужна. Это ведь обременительно, когда людям постоянно что-то от тебя нужно. Значит, ты часто себе не принадлежишь, когда тебе самой от себя что-то нужно. С другой стороны, надо, наверное, радоваться тому, что ты всегда кому-то нужен?

Ответа не последовало: впервые в жизни миссис Керю задумалась о том, есть ли в мире кто-нибудь, кому она действительно нужна. Впрочем, не очень-то ей и хотелось быть кому-то нужной. В этом она сама себя убеждала, пытаясь овладеть собственными мыслями. Она хмуро взглянула на девочку, но Поллианна этого взгляда не заметила: глаза ее разбегались при виде окружающей суеты.

— Ничего себе, сколько народу! — в восторге воскликнула она. — Даже больше, чем в прошлый раз. Но я, как ни высматриваю, никого не вижу из тех, кто мне попался тогда. Разумеется, дамы с ребенком здесь не найти, потому что они из Гонолулу. Но была еще девочка, Сьюзи Смит, она здешняя, из Бостона. Может, вы ее даже знаете. Вы не знакомы со Сьюзи Смит?

— Нет, со Сьюзи Смит я не знакома, — сухо ответила миссис Керю.

— В самом деле? Она очень славная и очень хорошенькая: черноволосая, с такими, знаете, кудрями... у меня такие будут, когда я отправлюсь в Рай. Но вы не волнуйтесь: я ее постараюсь найти и вас непременно с ней познакомлю.

— Ой, какой красивый автомобиль! А мы что, на нем поедem? — воскликнула Поллианна, когда они вдруг остановились перед шикарным лимузином, дверцы которого распахнул перед ними одетый в ливрею шофер.

Шофер не сумел скрыть улыбку. Зато миссис Керю ответила тоном человека, для которого поездка в автомобиле — это лишь утомительное передвижение из одного пункта в другой.

— Да, мы поедem на автомобиле.

— Перкинс, домой, — добавила она, обращаясь к нарядному шоферу.

— Ух! Так это ваш автомобиль? — угадала Поллианна в женщине собственницу лимузина. — Какой же он элегантный! Так вы, должно быть, очень богаты. То есть по-настоящему богаты. Богаче людей, у которых ковры в каждой комнате и мороженое по воскресеньям, как у Уайтов из моего Женского благотворительного общества. То есть это его жена была в Женском благотворительном обществе. В те времена я считала их богатыми. А сейчас я знаю, что богатые — это у кого перстни с бриллиантами, горничные и котиковые шубы, а еще шелковые и бархатные платья на каждый день. И автомобиль. У вас все это есть?

— Да вроде бы есть, — бледно улыбнувшись, признала миссис Керю.

— Тогда вы точно богаты, — с видом знатока, кивнула Поллианна. — У моей тети Полли тоже все это есть. Только вместо автомобиля у нее лошади.

— Если бы вы знали, как я люблю кататься на автомобилях! — воскликнула Поллианна, в восторге подпрыгивая на сиденье. — Я ни на одном раньше не каталась, за исключением того, что меня переехал. Меня из-под него вытащили и сразу посадили внутрь. Но я была без сознания и поэтому, разумеется, не почувствовала удовольствия от поездки. А с тех пор мне уже не приходилось кататься на автомобиле. Тетя Полли их не любит. Дядя Том любит и хочет купить. Говорит, в его работе вещь нужная. Понимаете, он врач, а все остальные врачи в городе имеют автомобили. Не знаю, чем все это кончится. Тетечка Полли очень по этому поводу переживает. Понимаете, она хочет, чтобы у дяди Тома было все, что ему нужно, но она хочет, чтобы ему нужно было то, что она хочет, чтоб ему было нужно. Понимаете?

Миссис Керю невольно рассмеялась.

— Да, дорогая, думаю, что понимаю, — ответила она сдержанно, но в глазах у женщины блеснули столь необычные для нее смешинки.

— Да, — удовлетворенно вздохнула Поллианна, — думаю, все-таки понимаете. Хотя рассказала я довольно сбивчиво. Эх! Тетушка Полли говорит, она бы не против автомобиля, если бы ее автомобиль был единственным в мире и не было вероятности столкнуться с другими.

— Вы только посмотрите! Сколько домов! — сама себя перебила Поллианна, осматриваясь округлившимися от удивления глазами. — Неужели они так и тянутся бесконечно? Впрочем, домов же должно быть много, чтобы разместить в них всех людей, что мы видели на вокзале. Не говоря уже об этих толпах на улице. Но когда так много людей вокруг, наверняка есть с кем подружиться. Я люблю людей. А

вы?

— Люблю ли я людей?

— Да, я имею в виду, людей вообще. Каждого и любого.

— Нет, Поллианна, я не могу так сказать, — холодно ответила миссис Керю, хмуря брови.

Смешинки исчезли из глаз миссис Керю. Подозрительный взгляд ее остановился на Поллианне. Миссис Керю говорила себе: «Сейчас я услышу проповедь номер один. Думаю, о том, что не следует сторониться ближнего, что-нибудь в стиле моей сестренки Деллы!»

— Не любите? Ой, а я люблю, вздохнула Поллианна. Знаете, они все такие славные и такие разные! А в вашем городе их должно быть страсть как много — очень славных и очень разных. Ох, вы не представляете, как я рада, что приехала! Правда, я уже заранее знала, что буду довольна, как только узнала, что вы сестра мисс Уэтерби. Я люблю мисс Уэтерби, поэтому знала, что вас тоже полюблю. Потому что вы должны быть похожи, раз вы сестры, хоть вы и не близнецы, в отличие от миссис Джонс и миссис Пек. Хотя те тоже не абсолютно одинаковые, благодаря бородавке. Держу пари, впрочем, вы не знаете, о чем идет речь. Но я вам расскажу...

Так случилось, что, вместо проповеди на тему общественной этики, услышать которую она так опасалась, ошарашенная миссис Керю выслушала всю историю бородавки на носу некой миссис Пек из Женского благотворительного общества.

К моменту завершения рассказа лимузин повернул на Комонвелт-авеню, и Поллианна немедленно начала выражать возгласами свое восхищение красотой улицы, на которой «просто посередине, по всей длине, тянется из конца в конец такой замечательный сад» и которая, по убеждению девочки, была намного приятнее «всех этих узких коротких улочек».

— Я думаю, каждый хотел бы жить на такой улице, — возвышенно подвела она итог своим рассуждениям.

— Очень вероятно, но вряд ли такое возможно, — заметила миссис Керю, поднимая брови.

Поллианна, ошибочно приняв эту мину за выражение досады по поводу того, что сама миссис Керю не проживает на этом живописном бульваре, поспешила внести поправки в свое мнение.

— Конечно, нет, — подтвердила она. — Но я и не имела в виду, будто узкие улочки чем-то хуже. Даже лучше! По крайней мере, не надо далеко ходить, чтобы одолжить яиц или набрать воды у соседей напротив. А еще...

— Ах! Но вы именно здесь живете? — перебила она сама себя, когда машина остановилась перед импозантным крыльцом дома миссис Керю. — Вы в этом доме живете, миссис Керю?

— Конечно, здесь, а где же еще? — немного раздраженно сказала хозяйка дома.

— Ой, вы должны быть очень довольны, что живете в таком совершенно превосходном месте! — воскликнула девочка, выскакивая на тротуар и радостно оглядываясь вокруг. — Ведь вы довольны?

Миссис Керю ничего не ответила. Она вышла из лимузина мрачная и насупленная.

Во второй раз за последние пять минут Поллианна поспешила исправить сказанное слово.

— Я, конечно же, не имела в виду такое греховное удовольствие, как гордыня, — объясняла она, беспокойно ища взглядом лицо миссис Керю. — Возможно, вы так же меня поняли, как в свое время поняла подобные мои слова тетечка Полли. Но я не имела в виду такое удовольствие, когда вам приятно оттого, что вы имеете то, чего нет у других, а такое удовольствие, когда вам хочется кричать от радости и хлопать дверью... хотя так поступать невоспитанно, — закончила она свою речь, раскачиваясь на носках своих туфелек.

Шофер, пряча улыбку, занялся машиной. Миссис Керю, губ которой улыбка так и не коснулась, двинулась по каменной лестнице к входной двери.

— Поллианна, пойдем, — твердо сказала она.

Пять дней спустя Делла Уэтерби получила от сестры письмо, которое с радостным нетерпением тут же распечатала. Это было первое письмо со времени приезда Поллианны в Бостон.

«Дорогая сестра! — писала миссис Керю. — Дорогая Делла, почему ты не предупредила меня, чего следует ожидать от этого ребенка, когда уговаривала взять ее? Она сводит меня с ума, а отрядить ее домой я уже тоже не могу. Трижды пыталась, но каждый раз, прежде чем я успевала что-нибудь сказать, она останавливала меня, рассказывая, как хорошо ей у меня живется, и как она рада, что приехала, и как мило с моей стороны, что я позволила ей пожить у себя, пока ее тетка в Германии. После таких слов как я могла бы заявить: «Возвращайся домой, я тебя здесь не хочу видеть»? Но самым абсурдным остается то, что ей, похоже, и в голову не пришло, что она может быть здесь нежеланной. А я, похоже, не могу ей даже намекнуть.

Конечно, если она начнет читать мне проповеди или учить искать личные благословения, я моментально отряжу ее домой. Я сразу тебе говорила, что терпеть такого не стану. И не потерплю. Дважды или трижды мне уже казалось, что она собирается начать (проповеди, я имею в виду), но

каждый раз она выдавала какую-нибудь вздорную байку о дамах из своего Женского благотворительного общества. Таким образом, ей до сих пор удается избежать изгнания домой.

Но на самом деле, Делла, она невыносима. Во-первых, она мечется по всему дому как угорелая. В первый же день она умолила меня открыть для нее каждую комнату. Она не успокоилась, пока не обследовала каждый закуток, чтобы увидеть «все эти удивительные и прекрасные вещи», даже более красивые, как она заявила, чем у мистера Джона Пендлтона, кто бы он ни был — думаю, кто-то из Белдингсвилля. Во всяком случае, он не из Женского благотворительного общества. До этого я дошла самостоятельно.

Далее, как будто не достаточно было беготни из комнаты в комнату (при чем я была персональным гидом на этой своеобразной экскурсии), она где-то нашла мое атласное вечернее платье, которое я годами не надевала, и уговорила меня примерить его. Зачем я на это согласилась, я сама не знаю, но я обнаружила полную беспомощность перед девчонкой.

И это еще было только начало. Она стала уговаривать меня, чтобы я показала ей все, что у меня есть. И при этом настолько смешно рассказывала, как в детстве одевалась из миссионерских посылок с благотворительными пожертвованиями, что я не могла удержаться от смеха. Одновременно меня душили слезы при мысли о том, в какие лохмотья должен был одеваться бедный ребенок. Конечно же, от нарядов мы перешли к драгоценностям. Она так превозносила мои два или три перстня, что я, как дурочка, открыла сейф — единственно ради удовольствия увидеть ее удивление.

Знаешь, Делла, я боялась, ребенок сойдет с ума. Она надела на меня каждое кольцо, каждую брошь, браслет, каждую цепочку и колье, настояла, чтобы я надела на голову обе свои бриллиантовые тиары (когда выяснила, что они собою представляют). Так я и сидела, украшенная жемчугами, бриллиантами и изумрудами, чувствуя себя языческим идолом в индуистском храме, тем более что неумная девчонка начала плясать вокруг меня, хлопая в ладоши и распевая: «Ох, как превосходно! Как совершенно чудно и прекрасно! Как бы славно было подвесить вас в окошке, словно волшебную призму!»

Я как раз хотела спросить ее, что она имеет в виду, как она упала на пол посреди комнаты и принялась рыдать. Ну-ка, угадаешь ли ты, отчего она плакала? От счастья, что у нее есть глаза и она способна видеть. Что ты на это скажешь?

Конечно, это еще не все. Это только начало. Поллианна здесь едва ли четыре дня, но каждый ее день насыщен до предела. Среди ее личных друзей сейчас числится мусорщик, квартальный полицейский, мальчишка-разносчик газет, не говоря уже о каждом человеке из моей прислуги. Такое впечатление, что она всех их очаровала. Но не включай в число очарованных меня. Я бы охотно отправила ее домой, если бы не мое обязательство принимать ребенка в своем доме всю зиму. А заставить меня таким образом забыть Джеми и мою непреодолимую скорбь просто нереально. Присутствие этой девочки не заменяет мне его, а только делает острее ощущение потери. Но, как и обещала, я буду терпеть девчонку, пока она не начнет проповедовать. Только начнет — сразу отправится к тебе. Впрочем, на данный момент, еще не начала.

*С любовью и некоторым смущением,
твоя Рут».*

«Проповедовать она еще не начала! — Улыбнулась про себя Делла Уэтерби, складывая листок, исписанный нервным почерком сестры. — Рут, Рут! Ты сама признала, что открыла для девочки каждую комнату, показала ей каждый уголок дома, наряжалась для нее в атласное платье и надевала на голову короны. А Поллианна ведь еще и недели там не пробыла. Но проповедей она тебе не читала и не учила, нет».

Глава 4. Игра и миссис Керю

Бостон оказался для Поллианны совершенно новым жизненным опытом так же, конечно, как и Поллианна для Бостона — для той его части, которой посчастливилось познакомиться с девочкой.

Поллианна говорила, что ей нравится Бостон, но ей бы хотелось, чтобы он не был таким большим.

— Понимаете, — очень серьезно объясняла она миссис Керю на следующий день после своего приезда, — мне бы хотелось увидеть абсолютно все, а я не могу. Это точно как на званых обедах тетушки Полли: много всего, чего хочется отведать, хочется всего попробовать — а здесь хочется все увидеть, но приходится решать, что именно.

— Конечно, я довольна, когда всего так много, — подытожила Поллианна, переводя дыхание. — Это хорошо, когда всего много — я имею в виду, всего хорошего: я не говорю о лекарствах или похоронах. Но, вместе с тем, я не могу справиться — так как хочется всего. Например, хотелось бы, чтобы званые обеды тетушки Полли растянулись также на будни, когда не подают тортов и пирожных. То же самое я чувствую в Бостоне. Мне бы хотелось забрать часть его домой, в Белдингсвилль, так, чтобы что-нибудь осталось еще и на лето. Но понятно, что это невозможно. Города ведь не торты. Да и торт нельзя хранить очень долго. Я уже пробовала, но они высыхают, особенно взбитые сливки. Я так думаю, что надо лакомиться взбитыми

сливками, когда они свежие. Это же касается приятных дней в гостях в чужом городе. Поэтому я бы хотела посмотреть его весь, пока я здесь.

Поллианна, в отличие от людей, считающих, будто знакомиться с миром надо, начиная с самых отдаленных уголков, начала осматривать Бостон с непосредственно окружающей ее обстановки в доме на живописном бульваре Комонвелт-авеню, который временно стал также и ее домом. Вместе со школьным обучением, это занятие отнимало у нее все свободное время на протяжении нескольких дней.

Так много всего нужно было увидеть, изучить. И все было таким волшебным и красивым: начиная от маленьких настенных пуговок, нажатие на которые наполняло комнаты светом и заканчивая зеркалами и картинами в огромных молчаливых залах. Не было недостатка также и в замечательных людях, с которыми надо было познакомиться. Ибо, кроме самой миссис Керю, в доме обитала также Мери, которая вытирала пыль в комнатах, открывала дверь посетителям и ежедневно провожала Поллианну в школу и обратно. Была еще Бриджит, которая жила на кухне и готовила еду, Дженни, которая подавала на стол, и Перкинс, который управлял автомобилем. И все они были такие славные, но такие разные!

Приезд Поллианны пришелся на понедельник, поэтому до первого воскресенья прошла почти неделя. В то утро, сияя счастьем, девочка спустилась по лестнице.

— Обожаю воскресенье, — вздохнула она счастливо.

— Действительно? — переспросила миссис Керю голосом человека, которому кажется одинаково постылым любой день недели.

— Да, особенно благодаря церкви и воскресной школе. Вы что больше любите: церковь или воскресную школу?

— По-правде говоря, я... — замялась миссис Керю, которая очень редко посещала церковь и никогда в жизни не ходила в воскресную школу.

— Трудно даже выбрать, правда? — помогла ей Поллианна вполне серьезно, хотя глаза ее сияли. — Но я все же больше люблю церковь. Из-за своего отца. Знаете, он был пастором и, конечно, он сейчас в раю, вместе с моей мамой и остальными нашими, но я очень часто пытаюсь представить его здесь, на земле. И мне проще представить его в церкви, когда он читает проповедь. Я закрываю глаза и представляю себе папу, и это очень мне помогает. Я так счастлива, что можно себе столько всего напредставлять! А вы?

— Я, Поллианна, насчет этого не очень уверена.

— Но, вы подумайте, насколько более красивые вещи мы себе можем вообразить, чем те, что у нас на самом деле есть. Я, конечно, не говорю о ваших вещах, потому что *ваши* действительно очень красивые.

Миссис Керю намеревалась сказать что-то сердитое, но Поллианна не дала ей вклиниться.

— И, честно говоря, мои нынешние реальные вещи намного лучше, чем те, что были у меня в свое время. Но все то время, когда у меня были проблемы с ногами и я не могла ходить, я все представляла и представляла себе, насколько воображения хватало. Да и теперь, конечно, я часто это делаю — как вот о своем папе и все такое. Вот и сегодня я снова представляла себе отца за кафедрой в церкви. Так когда мы пойдем?

— «Пойдем»?

— Я имею в виду, в церковь.

— Нет, Поллианна, я не пойду... То есть, я бы предпочла не пойти...

Миссис Керю прокашлялась и попыталась объяснить, что она вообще никогда не ходит в церковь. То есть почти никогда. Но полный доверия взгляд счастливых глаз Поллианны помешал ей закончить фразу.

— Я думаю, где-то в четверть одиннадцатого... если пойдем, — сказала она почти раздраженно. — Это здесь, очень близко.

Вот как получилось, что миссис Керю в то солнечное сентябрьское утро заняла семейное место Керю в нарядной церкви, в которую она ходила еще девочкой и которую до сих пор периодически поддерживала финансово.

Поллианну воскресная литургия наполнила радостью и восторгом. Волшебное пение церковного хора, таинственный свет из витражных окон, возвышенный голос проповедника и благоговейный шепот молитв в толпе произвели на девочку такое впечатление, что она некоторое время не могла произнести ни слова. Уже возвращаясь домой, она, наконец, восторженно перевела дыхание.

— Ах, миссис Керю, я сейчас думаю, как я счастлива, что мы можем проживать день за днем, а не все дни сразу!

Миссис Керю нахмурилась и резко взглянула на девочку. Миссис Керю не склонна была выслушивать проповеди. Ей вполне достаточно было на сегодня того, что она вынуждена была выслушать от проповедника с кафедры, и она сердито сказала себе, что не желает слушать вторую проповедь от ребенка. Более того, теория «жизни день за днем» составляла личную доктрину Деллы. Не она ли, ее младшая сестра Делла, вечно повторяла: «Рут, надо жить минуту за минутой, а в течение минуты человек может выдержать все что угодно!»

— Да? — сухо отозвалась миссис Керю.

— Да. Вы только подумайте, если бы я вынуждена была прожить одновременно вчера, сегодня и завтра, — вздохнула Поллианна. — Это ведь столько всего совершенно замечательного. А так у меня было вчера, сейчас я живу сегодняшним днем, а еще у меня есть завтра, которого я только еще жду, а есть еще и следующее воскресенье. Честно говоря, миссис Керю, если бы не воскресенье и не эта тихая улочка, я бы стала кружиться, и кричать, и визжать от счастья. Просто не выдержала бы. Но, поскольку сегодня воскресенье, я должна потерпеть, пока доберусь домой, и там уж спою хвалебный гимн. Радостный гимн, который я знаю. А вы знаете какой-нибудь радостный гимн? Знаете, миссис Керю?

— Нет, я бы не сказала, что знаю, — тихо ответила миссис Керю с таким видом, будто она пыталась найти что-то давно потерянное.

Когда все безнадежно плохо, и тебя попытаются утешить тем, что страдания легче выдержать, распределяя их по времени, странно вдруг слышать о том, как хорошо, что можно испытывать счастье постепенно, день за днем и нет необходимости испытать все счастья сразу в один день!

На следующее утро, в понедельник, Поллианна впервые отправилась в школу сама. Она уже хорошо изучила путь, к тому же — довольно короткий.

Поллианна с радостью ходила в школу. Это была небольшая частная школа для девушек, но все равно это был новый опыт, а Поллианна любила всякий новый опыт.

Миссис Керю, напротив, не любила никакого нового опыта, а в тот день ей пришлось испытать немало всего нового. У человека, который от всего устал, вызывает раздражение (если не что-то хуже) общение с другим человеком, которому все новое и неожиданное доставляет удовольствие. Миссис Керю была более чем раздражена. Она впала в отчаяние. Но она вынуждена была признаться себе, что если бы кто-то спросил ее о причинах такого отчаяния, она смогла бы указать лишь одну: «Потому что Поллианна радуется». А даже миссис Керю вряд ли захотела бы дать такой ответ.

В письме к Делле, однако, миссис Керю написала, что слово «радость» действует ей на нервы и на самом деле она не хотела бы испытать никакой такой радости. Она признала, что Поллианна еще воздерживается от проповедей и поучений и до сих пор не пыталась «склонить ее к игре». Правда, девочка непрерывно разговаривала с миссис Керю о «радости», и, разумеется, у человека, которому радость незнакома, такие разговоры вызывали неприязнь.

На протяжении второй недели пребывания Поллианны у миссис Керю раздражение хозяйки, еще кое-как сдерживаемое, вылилось в открытое недовольство. Непосредственным поводом для этого стал оптимистичный вывод Поллианны, которым она завершила очередную историю о некоей даме из Женского благотворительного общества.

— Она стала участвовать в игре, миссис Керю. Вы, наверное, не знаете, что за такая игра. Но я вам расскажу. Это замечательная игра.

Миссис Керю отрицательным жестом остановила девочку.

— Не стоит, Поллианна, — возразила она. — Я знаю об игре. Моя сестра мне рассказала и... должна сказать, подобная игра не для меня.

— Конечно, не для вас, миссис Керю! — воскликнула Поллианна, торопливо извиняясь. — Я не имела в виду предлагать вам игру. Вы все равно не смогли бы в нее играть.

— Я бы не смогла? — вырвалось у сбитой с толку миссис Керю.

Она отнюдь не готова была признать себя неспособной играть в какую бы то ни было игру, несмотря на то, что играть в нее она действительно не хотела!

— Разве не очевидно? — засмеялась Поллианна. — Игра ведь заключается в том, чтобы находить поводы для радости во всем, что случается. А вам не нашлось бы даже с чего начать, потому что у вас нет оснований ни для чего другого, кроме радости. В вашем случае просто нет повода для игры! Правильно?

Лицо миссис Керю вспыхнуло жаром. От досады она сказала больше, чем намеревалась сказать.

— Нет, Поллианна, я не могу с этим согласиться, — произнесла она ледяным тоном. — Я бы сказала, скорее, я не нахожу ни малейших оснований для радости.

Какое-то мгновение Поллианна оторопело смотрела на собеседницу. Потом даже отшатнулась удивленно.

— Миссис Керю, отчего же? — выдохнула она.

— А что хорошего у меня есть? — с вызовом спросила женщина, напрочь забыв о своем решении не позволять Поллианне «проповедовать».

— Так ведь... совершенно все, — пробормотала Поллианна, которая еще не пришла в себя от удивления. — Вот у вас какой красивый дом.

— Он мне служит только местом для приема пищи и ночлега. А мне не хочется ни есть, ни спать.

— Но у вас так много прекрасных, замечательных вещей, — нерешительно сказала Поллианна.

— Они лишь утомляют меня.

— Автомобиль, на котором вы куда угодно можете поехать.

— Я никуда не хочу ехать.

Поллианна громко охнула.

— Миссис Керю, подумайте, сколько интересных людей и вещей можно увидеть...

— Поллианна, они мне не интересны.

Поллианна растерянно умолкла. На ее лице отразилось глубокое беспокойство.

— Но, миссис Керю, — продолжала она — раньше случалось так, что к игре присоединялись люди, которым выпало немало бед. И чем хуже им бывало, тем больше поводов для радости они должны находить в своем положении. Но когда нет никакой беды, я, пожалуй, и сама не знаю, как играть в игру.

Некоторое время миссис Керю молчала. Она сидела неподвижно, глядя в окно. Постепенно выражение сердитой неприязни на ее лице сменилось безнадежной грустью. Она очень медленно повернулась к девочке и сказала:

— Поллианна, я не думала, что стану рассказывать тебе об этом, но вот, решила рассказать. Я объясню тебе, почему я не способна ничему радоваться.

И она стала рассказывать историю Джеми, четырехлетнего мальчика, который долгие восемь лет назад будто вышел в чужой внешний мир, прочно затворив за собой дверь.

— И вы никогда с тех пор его не видели? — робко спросила Поллианна, с влажными от слез глазами.

— Никогда.

— Но мы его найдем, миссис Керю. Я уверена, что мы его найдем.

Миссис Керю печально покачала головой.

— Я не сумела. Я везде его искала, даже за рубежом.

— Но где-то же он должен быть!

— Поллианна, он мог просто умереть.

Поллианна отчаянно вскрикнула.

— Ах, нет, миссис Керю! Умоляю вас, не говорите так! Давайте представлять его живым. Мы это можем, и это поможет. А когда мы себе представим его живым, то мы также сможем представить себе, что мы его найдем. И это поможет намного больше.

— Но я боюсь, Поллианна, что он мертв, — всхлипнула миссис Керю.

— Вы же не знаете этого наверняка? — обеспокоенно спросила девочка.

— Нет...

— В таком случае, это лишь ваше воображение, — победоносно заявила Поллианна. — Но если вы можете вообразить его мертвым, то можете также представить себе его живым. А это будет гораздо приятнее. Разве нет? А в один прекрасный день вы его найдете, я уверена. Миссис Керю, вы теперь можете присоединиться к игре! Вы можете играть ради Джеми. Вы можете радоваться каждому дню, потому что каждый день приближает вас к мгновению, когда вы наконец отыщете его. Вот видите!

Но миссис Керю не «видела». Она поднялась и сказала подавленно:

— Нет, нет, деточка! Ты не понимаешь, ты просто не понимаешь. Беги, поиграй, прошу тебя. Почитай или найди себе какое-нибудь занятие. У меня болит голова. Мне нужно лечь.

И Поллианна с выражением сосредоточенной тревоги на лице медленно вышла из комнаты.

Глава 5. Поллианна отправляется на прогулку

Послеобеденная прогулка Поллианны, невинно начавшаяся во второе воскресенье ее пребывания в Бостоне, превратилась в опасное приключение. К тому времени девочка выходила на улицу одна только тогда, когда шла школу. Миссис Керю никогда не приходило в голову предоставить Поллианне возможность познакомиться с улицами Бостона. Поэтому, собственно, она этого своей гостье и не запрещала. К тому же, в Белдингвилле жизнь Поллианны была настолько разнообразной прежде всего благодаря прогулками по плутающим старым улочкам в поисках новых друзей и новых впечатлений.

В то воскресенье, после обеда, миссис Керю по своей привычке сказала: «Деточка, ты беги к себе и поиграй, прошу тебя. Найди себе развлечение, какое хочешь, только не донимай меня сегодня больше своими вопросами!».

До сих пор Поллианна всегда находила себе вдоволь интереснейших дел в пределах дома. Если ее не удовлетворяли занятия с неодушевленными предметами, всегда можно было пообщаться с Мэри, Дженни, Бриджит или Перкинсом. Однако сегодня у Мэри болела голова, Дженни подшивала шляпку лентой, а Перкинса почему-то невозможно было нигде найти. В дополнение ко всему, стоял великолепный сентябрьский денек, и ничто в доме не могло привлечь девочку настолько, насколько влекло ее яркое солнышко и свежий воздух. Поэтому Поллианна вышла из дома и устроилась на крыльце.

Некоторое время она молча наблюдала, как хорошо одетые мужчины, женщины и дети, куда-то спеша,

быстро проходят мимо или неторопливо шагают по аллее, тянувшейся посреди авеню по всей ее длине. Наконец, девочка поднялась на ноги, вприпрыжку сбежала по лестнице на тротуар и остановилась, оглядываясь направо и налево.

Поллианна решила, что ей тоже не помешало бы немного прогуляться. День для прогулок был подходящим, а она ведь за все время еще ни разу по-настоящему не прошла по улицам города. Походы в школу и обратно не в счет. Миссис Керю не стала бы возражать, подумала Поллианна. Не она ли сама велела Поллианне заниматься, чем ей заблагорассудится — только бы не задавала бесконечные вопросы? А впереди ведь было еще столько времени до самого вечера. Подумать только, сколько удивительных достопримечательностей можно увидеть, прогуливаясь по городу в послеобеденное время! А день стоял исключительно погожий. Пожалуй, для начала стоит пройти в эту сторону! Поллианна повернулась на каблучках и, подпрыгивая и пританцовывая от возбуждения, бодро двинулась по бульвару.

Она приветливо улыбалась прохожим, встречаясь с ними взглядом. Ее ничуть не удивляло, хотя несколько и разочаровало то, что никто на ее улыбку не отвечал. Она уже успела привыкнуть к этому в Бостоне, но не прекращала улыбаться в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь все-таки улыбнется ей в ответ.

Дом миссис Керю стоял почти в самом начале Комонвелт-авеню, поэтому Поллианна вскоре оказалась на перекрестке. По другую сторону улицы, пересекая авеню под прямым углом, раскинулся сад, который показался девочке красивейшим из всех, которые она видела в своей жизни. Это был Бостонский городской парк. На мгновение Поллианна замерла в нерешительности, устремив взгляд пытливого исследователя на это роскошное произведение природы и человеческой фантазии. Она не сомневалась, что перед ней находится частный сад какого-то очень богатого владельца. Еще когда Поллианна лечилась в Санатории, доктор Эймс взял ее с собой в гости к одной богатой даме — та жила в красивом доме, в окружении таких же, как здесь, аллей и цветников.

Поллианне очень хотелось перейти на другую сторону улицы и войти в «сад». Но она не была уверена, что имеет на это право. Правда, по ту сторону ограждения прогуливалось множество людей — она ясно это видела — но, возможно, все они были приглашены хозяевами. Наконец, увидев, как две женщины, мужчина и девочка, вошли через ворота и направились куда-то по аллее, Поллианна рассудила, что она тоже может войти. Выбрав удобный момент, она вприпрыжку перебежала улицу и вошла в сад. Внутри он оказался еще более привлекательным, чем снаружи. Прямо над головой щебетали птички, дорожку прямо впереди ее в два-три прыжка пересекла рыжая, как огонь, белка. Тут и там на скамейках сидели мужчины, женщины, дети. Сквозь кружево зеленых листьев проглядывала хрустальная поверхность пруда, на которой волшебными огоньками вспыхивали солнечные блики. Откуда-то доносились радостные детские крики и чарующая музыка. Поллианна, смутившись, несколько неуверенно обратилась к нарядно одетой молодой женщине, которая шла ей навстречу.

— Простите, а сегодня сюда... гостей пускают?

Молодая женщина посмотрела на нее удивленно.

— Гости? — переспросила она озадаченно.

— Да, мэм. Я имею в виду, это ничего, что я... вошла сюда?

— Что с того, что вошла? Сюда кто угодно может заходить! Кто только пожелает, — ответила женщина.

— Ой, тогда все в порядке! Я очень рада, что зашла, — сияя счастьем, призналась Поллианна.

Ничего на это не ответив, женщина направилась к выходу. По дороге она все же обернулась, чтобы снова взглянуть на Поллианну.

Растроганная гостеприимством щедрых владельцев замечательного сада, готовых принимать у себя всех, кто пожелает войти, Поллианна двинулась дальше. На повороте она чуть было не столкнулась с маленькой девочкой, толкавшей перед собой игрушечную коляску с куклой. Поллианна радостно взвизгнула и вознамерилась заговорить с девочкой. Но тут откуда-то выскочила молодая женщина и, схватив девочку за руку, потащила ее в другую сторону, при этом еще и недовольно отчитывая ее:

— Глэдис, пойдем! Разве мама не говорила тебе, что нельзя разговаривать с чужими детьми?

— А я не чужой, — с достоинством оправдывалась Поллианна. — Я сейчас тоже живу в Бостоне, поэтому я...

Но молодая женщина и девочка с игрушечной коляской были уже далеко, и Поллианна умолкла, не закончив фразы. Какое-то мгновение она стояла совершенно ошарашенная. Затем, решительно подняв голову, двинулась вперед.

— Ну и пусть! Я могу этому только радоваться, — уверяла она себя, — потому что теперь, возможно, найду каких-нибудь других друзей. Например, Сьюзи Смит или даже Джеми, племянника миссис Керю. В любом случае я могу представлять себе, что непременно их найду. А если даже их не найду, то кого-нибудь я тут непременно найду, это уж точно!

Сделав такой вывод, она пошла дальше, погруженная в собственные мысли, но на прохожих теперь